

«Стратегическая адаптация» Китая перед лицом насильственного включения в вестфальскую систему международных отношений

© 2020

В.А. Корсун

Поражение Китая в «опиумных войнах» ознаменовало собой ситуацию, когда впервые не сработал механизм культурной и биологической ассимиляции Китаем вторгнувшихся «варваров» и империя вынуждена была подстраивать многовековой «китайский мировой порядок» под новую для нее систему международных отношений. На основе анализа оригинальных китайских источников в статье характеризуется «стратегическая адаптация» Китая к чуждой для него дипломатической практике, выявляются черты поведения как отличающиеся от классических атрибутов «даннической системы», так и свидетельствующие о его преэминентности и, как бы, параллельного сосуществования.

На ряде примеров (создание «Общей канцелярии», первая китайская миссия во главе с гражданином США А. Бурлингеймом, первое посольство Китая в Лондоне во главе с Го Сунтао) демонстрируется набор приемов, главным образом ритуально-протокольного характера, в рамках «самоусиления» Китая. По итогам исследования автор делает вывод о том, что в «исторической памяти» народа ничто не исчезает, и без подобного экскурса в историю невозможно понять реальное содержание и перспективы реализации «китайской мечты».

Ключевые слова: Данническая система, опиумные войны, дипломатия коутоу, самоусиление, стратегические уловки, Цзунли ямэнь, А. Бурлингейм, Го Сунтао, европейский этикет и протокол, диалог цивилизаций.

DOI: 10.31857/S013128120010490-0

Экономический рост пореформенного Китая, ставшего фактически двигателем роста мировой экономики, дает мощный импульс стремительной эволюции статуса КНР от позиции зрителя до роли актера с интенцией становления подлинным режиссером мировой политики. Данный феномен привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей буквально ко всем аспектам жизни китайского социума. При этом следует осознавать, что этот величайший игрок мировой политики не появляется «из небытия», а «возвращается». Как известно, в исторической памяти ничто не исчезает бесследно, а лишь многослойно откладывается в глубинах сознания и подсознания — как коллективного, так и индивидуального, ожидая возможности проявления при каждом новом, особенно кризисном, повороте политического калейдоскопа. Реальная уникальность исторического «китайского мирового порядка», известного в историографии как «данническая система», или «система номинального вассалитета», заключается в его беспреде-

Корсун Владимир Андреевич, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия. E-mail: korsoun-vl@yandex.ru.

Выражаю особую благодарность А.Н. Евсикову — генконсулу РФ в Шанхае за предоставленные китайские материалы.

дентной масштабности, детальной систематизированности и скрупулезной разработанности, что предопределялось проекцией вовне ориентированных на конфуцианский канон внутренних связей, а также в его поразительной протяженности во времени и живучести. К устойчивым элементам «даннической системы», которые можно назвать «классическими» и «обязательными» в рамках «морального преобразования» «варваров», относятся следующие: приобщение не китайских правителей к китайской культуре через «церемониал» (*ли*), предусматривающий неоднократное исполнение ими сложного обряда *саньгуй цзюкоу*, или сокращенно *коутоу*, что переводится, как «три раза встать на колени и девять раз совершить земной поклон», т.е. при каждом коленопреклонении трижды коснуться лбом земли; получение правителем «варваров» инвеституры, т.е. своеобразной лицензии на правление (обычно в виде грамоты, печати, ритуального сосуда и т.п.), от китайского императора, а также звания и официального титула для сношений с Китаем; предоставление ему соответствующего ранга, приравненного к чиновникам уездного уровня в китайской иерархии; принятие некоторых элементов китайской системы территориального деления и административного устройства; принятие «варваром» китайского календаря и летоисчисления обязательного при датировании своих посланий названиями годов правления китайского императора; регулярная присылка ко двору поздравлений и соответствующим самоуничижительным образом составленных грамот по случаю бракосочетания, дня рождения и т.д.; прибытие лично или направление со строго определенной периодичностью посольств и делегаций ко двору; уплата символической «дани» (гун) товарами местного производства; содержание высокородных «заложников» при дворе китайского императора; «предъявление на границе» каждого нового преемника на престоле «варвара»: удостоивание визитера высочайшей аудиенции «Сына Неба»; милостивое вручение ответных даров от китайского императора; предоставление иноземцам некоторых привилегий в передвижении по Китаю, а также в торговле на границе и в столице; в случае с «северными варварами», в т.ч. с Монголией и Тибетом — учреждение при дворе данника офиса китайского уполномоченного «амбаня»¹. Закрепив еще в древности в сознании китайцев представление о своей стране как о культурном и политическом центре Поднебесной, конфуцианство, несмотря на постоянную эволюцию, продолжало и продолжает культивировать мессианские идеи в качестве основы восприятия отношений с окружающим миром. Поражает то, с какой скрупулезностью расписывались «даннические» контакты, насколько они были институционализированы и дифференцированы. Размер «дани» и периодичность ее поднесения зависели от степени «приближенности», отнюдь не географической, конкретно данной страны. Так, согласно официальной китайской версии, при Цинской династии (1644–1911) периодически «прибывали ко двору с данью», демонстрируя свою «искренность», Корея (4 раза в год), Рюкю/Люцю/ (1 раз в год), Аннам (1 раз в 2 года), Лаос (1 раз в 10 лет), Сиам (1 раз в 3 года), Сулу (1 раз в 5 лет), Голландия (1 раз в 8 лет), Бирма (1 раз в 10 лет), Португалия, Дания и Англия (в незафиксированные сроки)². Разумеется, мы далеки от того, чтобы, подобно бесчисленному количеству современных китайских авторов, выступать с апологетикой «вечно миролюбивого характера» (*хэпин бэньчжи*) внешней политики Китая и идеализировать традиционную дипломатию «даннической дружбы и согласия» (*чаогун хэму*), а также утверждать, что «суть даннической политики заключается в ее оборонительном и неагрессивном характере, а целью ее являлось обеспечение мирного окруже-

1. Schwartz B.G. The Chinese perception of the world order: past and present, The Chinese World Order. Traditional China's Foreign relations. ed. By John King Fairbank. Harvard Univ. Press., Cambridge — Massachusetts, 1968, p. 277–278.
2. The Chinese World Order. Traditional China's Foreign relations. ed. By John King Fairbank. Harvard Univ. Press, Cambridge — Massachusetts, 1968, p. 11.

ния для китайской земледельческой цивилизации»¹. Тем не менее, нормы и институты «китайского мирового порядка» реально существовали, выполняя на протяжении многих веков важную функцию обеспечения устойчивости и предсказуемости ситуации в огромном регионе земного шара, известной китайцам как «Поднебесная» (*Тянься*). Спекуляции на собственном культурном потенциале гипертрофировали у китайцев ложные представления об исключительности и превосходстве всего китайского, породили настроения высокомерия и ксенофобию, а в итоге привели к тому, что «задавленные» огромным пластом собственного величия они оказались не в состоянии адекватно воспринять ценности, приходящие извне. Так, ряд сокрушительных поражений Китая в «опиумных войнах» от европейцев, которые, как прибывшие морем с Востока, получили в Китае наименование «Восточные варвары» (*Ифань*), не вызвал радикальной переоценки традиционных ценностей и не привел к подрыву в китайском сознании комплекса безусловного превосходства конфуцианских идей и институтов. Напротив, сам насильственный, военносилуовой характер воздействия и навязывание Китаю новых для него норм и правил международных отношений вызвали ответную реакцию «отторжения» чуждой модели поведения и форсированную апелляции к морально-этическим категориям в условиях, когда в плане экономической и военной мощи Китай мало что мог противопоставить западным державам и Японии².

В результате «опиумных» войн была пробита первая брешь в «системе вассалитета», а колониальное вторжение европейских держав и Японии в сферу культурного и политического влияния Китая поставило под сомнение незыблемость и всеобъемлющий характер этой китайской теории и практики поддержания международных связей. Не будет преувеличением утверждать, что именно беспрецедентное в истории Китая принуждение подчиняться нормам международных отношений, сложившимся на иной, а именно европейской почве, особенно болезненно воспринимались правящей элитой Китая. Завершением англо-китайской войны 1840–1842 гг. явился Нанкинский договор, заключенный 29 августа 1842 г. Он предусматривал открытие для торговли и поселения британских граждан 5 китайских портов (Гуанчжоу, Сямынь, Фучжоу, Нинбо, Шанхай), упразднение купеческой корпорации «Гунхан» (*Кохонг*), прежде имевшей монопольное право закупки иностранных товаров и их распространения в Китае, передачу острова Сянган (Гонконг) в «вечное владение» Великобритании, лишение Китая таможенной независимости, установление предельного уровня таможенных пошлин (5% стоимости товара), а также выплату Цинским правительством 21 миллиона фунтов стерлингов в порядке компенсации за уничтоженный опиум, за долги членов «Гунхана» и в счет военной контрибуции. Поражение империи Цин и Нанкинский договор открыли путь для экспансии в Китай другим государствам, пользующимся принципом «наибольшего благоприятствования». Уже 11-я статья Нанкинского договора конкретно отменяла (фактически, ритуал *коуту* был отменен лишь в 1878 г.) обычный китайский церемониал в отношениях англичан с цинским двором, что затем было распространено и на представителей США, Франции и других держав³.

Много лет спустя китайская историография прочно закрепит за Нанкинским договором, официально именуемым «Договор о мире, дружбе, торговле, возмещении ущерба и проч.», ярлык силой навязанного и «неравноправного». А до поры до времени имел-

1. Chen Jiehua. Ershi shiji zhongguo wajiao zhanlue, 2001, p. 104.

2. Корсун В.А. «Китайский мировой порядок»: альтернативная интерпретация исторической трансформации внешнеполитической парадигмы // *Китай в мировой политике*, М.: РОССПЕН МГИМО, 2001. С. 172–199.

3. Hertslet, Edward Sir, Treaties, &c., between Great Britain and China: and between China and foreign powers; 3. ed., Harrison and sons, London, 1908, p. 7–10.

ся целый набор традиционных лингвистических и ритуальных уловок, дабы представлять его в глазах китайских подданных удачной хитростью и даже «особой милостью» двора, великодушно снизошедшего до «назойливых домогательств» «островных варваров» – англичан. Так, несмотря на фиксируемое в договоре право иностранным представителям непосредственно и на равных условиях переписываться с высокопоставленными чиновниками в Пекине, зарубежные дипломаты позже обнаруживали, что их корреспонденцию в Пекин еще не отправили, или вернули вновь в «кантонское наместничество», где письма центральным властям и местным начальникам лежат без ответа. Двор упорно делал все, чтобы удержать иностранцев подальше от столицы. Но уже Тяньцзиньские (1858) и Пекинские (1860) договоры, подписанные с Цинским правительством после разгрома Китая во «второй опиумной» войне, предоставляли европейским государствам право учредить постоянные резиденции-посольства в Пекине, разрешали свободное передвижение и миссионерскую деятельность во внутренних районах Китая, закрепили право консульской юрисдикции и создания смешанных судов, право беспрепятственно сноситься с местными властями, и («О ужас!») устанавливали равенство в дипломатических отношениях Китая и держав. Не обошлось и без скандала, когда французский переводчик, католический священник А. Делямар, самолично в результате жульнических махинаций (о чем позднее неоднократно будут вспоминать, возмущаться и сокрушаться китайские сановники), добавил в китайский текст Пекинского франко-китайского договора от 25 октября 1860 г. пункт, разрешающий французским, а затем и всем остальным миссионерам во всех провинциях покупать и арендовать земли для построек, что опрометчиво было принято китайской стороной¹.

Расширение площади контактов китайцев с иноземцами порождало панический страх правящей верхушки и побуждало маньчжурских сановников добиваться «сохранения лица» двора исключительно различного рода ритуально-процедурными каверзами. Они сознательно игнорировали наличие формальных дипломатических отношений, отражающих представления о регулярных международных контактах, сложившихся на европейской почве, и представляли изменения в практике взаимоотношений с Западом исключительно эпизодически пробуждающимися порывами милости и снисхождения со стороны «Сына Неба». В самые критические моменты ведения боевых действий и переговоров императора Сяньфэна волновали более всего не размер контрибуции, территориальные уступки или защита китайского рынка, а вопросы о том, согласятся ли иностранные послы на соблюдение церемониала *коутоу*, будут ли они настаивать на передвижении в паланкинах в сопровождении эскорта при поездке в Пекин, не откажутся ли от ратификации договоров именно в Пекине, а не, например, в Гуанчжоу или Шанхае. «Кульминацией» переговорной тактики маньчжурского двора стала готовность, даже в случае отказа держав от аккредитации своих послов в Пекине, не добиваться увеличения тарифов с уровня 5%, а просто отменить все пошлины на все иностранные товары². Наконец, уже подписав Тяньцзиньские договоры в июне 1858 г., Цинское правительство под разными предлогами, следуя политике «не обороняться и не мириться», оттягивали их ратификацию вплоть до октября 1860 г., дождавшись захвата англо-французскими войсками Пекина и разорения летней резиденции Юаньминъюань. Примечательно, что даже после официальной ратификации Тяньцзиньских и Пекинских договоров двор неоднократно искал способы уклонения от их выполнения, серьезно рассматривая, в частности, «хитроумное» предложение фаворита императора, известного взяточника и казнокрада Су Шуня. Этот маньчжур, возглавивший Регент-

1. Дацышен В.Г., Христианство в Китае: история и современность, М., 2007. С. 60.

2. Международные отношения на Дальнем Востоке. Т. 1, М., 1973. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVIII веке. М., 1980. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. М., 1975. С. 99.

ский совет после кончины Сяньфэна, выступал за отказ от возвращения императорской семьи из Жэхэ в Пекин, что давало, по его мнению, шанс путем фактического переноса столицы свести на нет и «обнулить» многие условия договоров, а, со временем и добиться очередного закрытия империи для иностранцев¹.

По мере расширения контактов с представителями европейской цивилизации в Китае складывалась доктрина усвоения так называемых варварских дел (*И у*), или «заморских дел» (*янъ у*), т.е. концепция, осознающая необходимость срочного заимствования военно-технических достижений государств Запада, что явилось теоретической основой политики «самоусиления» (*цзыцян*) правящих кругов. Данная доктрина, впрочем, даже в трудах ее идейных вдохновителей, не ставила под сомнение превосходство морально-этических принципов и институциональных основ конфуцианства. В основе аргументации инициаторов преобразований лежал естественно традиционный тезис: «если внутренние бедствия будут искоренены, то внешняя угроза сама собой исчезнет». Находкой охранительной идеологии явилось суждение: «китайское учение — основное, западное учение — прикладное» (*чжун сюэ вэй бэнь, си сюэ вэй юн*), выработанное в рамках традиционной китайской формулы *ти — юн*, где «*ти*» — исконно китайское, базовое и неизменное, а «*юн*» — преходящее, вынужденно-утилитарное. Данная формула, играющая роль психологической анестезии, характеризует односторонний и однонаправленный цивилизующий характер воздействия Срединной империи на окружающий мир и могла бы стать эпиграфом для всей новой и новейшей истории эволюции конфуцианского мировоззрения. (Примечательно, что в современной северокорейской концепции социализма чучхе фигурирует тот же иероглиф «*ти*» (*чхе*) (аналогом напрашивается категория «самость»).

Подобная философия и протокольно-ритуальное рвение были присущи не только маньчжурским носителям власти, но и даже, казалось бы, самым революционно настроенным китайцам. Так, например, тайпины, провозгласившие своей идеологией христианство, воссоздали в мельчайших подробностях церемониал разного рода приветствий и здравий в честь своих титулованных вождей, взяв за основу этикет, описанный в древнем трактате «*Чжоули*» («Ритуал Чжоу»). Англичан, вступивших в контакт с инсургентами, как «собратями по христианской религии», не могло не шокировать и отпугнуть требование руководителей повстанцев чтить вождя тайпинов Хун Сюцюаня, ежегодно приносить дары и воздавать ему при аудиенции высокие почести еще и как «второму (после Иисуса) сыну Бога». Еще более настораживали и пугали иностранцев явное нежелание вождей тайпинов идти на какие-либо уступки державам и перспектива, в случае победы сторонников Хун Сюцюаня, превращения со столь большим трудом достигнутых соглашений с официальным Пекином в «клочок бумаги»².

При любой трактовке пафос и конкретное содержание политики «самоусиления» сводились к стремлению представить практически все достижения Запада в экономике и общественно-политической жизни как некоего комплекса, который якобы зародился в свое время в Китае и, проделав замысловатый круг, вернулся в виде некоего «блудного сына» на китайскую родину³. Следует констатировать, что даже после поражения Китая в войне с Францией 1884–1885 гг. и с Японией 1894–1895 гг., когда стал очевиден крах политики «самоусиления» в ее исключительно технократическом варианте, и появилось большое количество книг и брошюр алармистского характера, содержащих призывы к заимствованию отдельных сторон и западных институциональных ценностей, пафос

1. Schwartz B.G. The Chinese perception of the world order: past and present, The Chinese World Order. Traditional China's Foreign relations. ed. By John King Fairbank. Harvard Univ. Press., Cambridge — Massachusetts, 1968, p. 11–12.
2. Новая история Китая, 1972, С. 155.
3. Новая история Китая, 1972. С. 261–263.

«китайской первородности», в значительной мере, сохранился. Практическая же внешне-политическая деятельность Китая стала явно носить «многоярусный характер», демонстрируя во всей ее изощренности черты китайской тактики и стратегии, известной в литературе как «стратегическая дипломатия»¹.

Выдвигавшееся неоднократно эмиссарами западных держав требование учреждения в столице китайской империи постоянных дипломатических представительств иностранных государств, а также центрального внешнеполитического ведомства Китая, ответственного за налаживание нормального, по европейским понятиям, дипломатического обмена стало главной болевой точкой дальнейшего переговорного процесса. Следует признать, что даже осознавая свою военную и политическую слабость, цинские чиновники-переговорщики, о чем речь пойдет далее, всячески пытались «сохранить лицо», вели переговоры с державами весьма изобретательно и напористо и уж во всяком случае были далеки от того, что можно было назвать «капитулянтством». Верные классическому принципу китайской дипломатии «использовать одних варваров против других», они стремились по возможности избегать вооруженных конфликтов с более мощными державами, постоянно старались затягивать переговоры и шли на уступки главным образом за счет «вассалов» Китая. Практически ожидаемого радикального перехода от традиционных, «данических», к современным «договорным» отношениям и вступления Китая в равноправную «семью наций» не произошло. Система «вассалитета», почти по «закону Паркинсона», не могла исчезнуть бесследно и продолжала по инерции «работать на себя» и, в результате, обе модели внешнеполитического устройства еще длительное время сосуществовали как бы «параллельно» и отнюдь не только в подсознании китайских царедворцев. Это не мешает, впрочем, ряду авторов рассматривать учреждение постоянных миссий в Пекине как основную цель и главный результат второй «опиумной войны», характеризуя это в качестве необходимого этапа для завершения начавшегося после первой «опиумной войны» перехода Китая от «данических отношений» с внешним миром к «договорным отношениям»².

После того как начиная с 1858 г., сразу после подписания Тяньцзиньских договоров, представители иностранных государств отказались иметь дело и даже встречаться с любыми представителями местных властей, а Россия стала откровенно бойкотировать *Лифаньюань* («Палату по управлению варварами», именуемую также «Монгольский приказ»), остро встал вопрос о необходимости срочного учреждения централизованного и ответственного ведомства внешних сношений. Установление отношений «на основе полного равенства» Цинской империи с западными державами после официального одобрения китайским императором условий Пекинских соглашений и вывода англо-французских войск из района Пекина и частично из Тяньцзиня (это, кстати, побудило трон прийти к выводу, что «варвары» ведут себя не по-китайски странно, ибо, в отличие от тех же тайпинов, не ставят целью насаждение новой своей династии!) не означало еще краха политики цинских консерваторов, направленной на самоизоляцию страны от внешнего мира. Но фактическое установление дипломатических и торговых сношений империи Цин с державами Запада, усиленно стремящимися создать и укрепить в правящей элите Китая свое лобби, способствовало постепенному увеличению в правительстве сторонников заимствования Китаем западного вооружения и европейских технических достижений. Сокрушительное и очевидное поражение Китая во второй «опиумной войне» не умаляет, с учетом вышесказанного, «коллективной смелости» «императорского уполномоченного» младшего сводного брата императора Сяньфэна великого князя Гуна

1. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVIII веке. М., 1980. С. 51.

2. Hertslet, Edward Sir, Treaties, &c., between Great Britain and China: and between China and foreign powers; 3. ed., Harrison and sons, London, 1908. P. 5–12; Fairbank, 1971, p. 143.

(Ай Синь) (1833–1898), его тестя, «главного ученого мужа», члена Императорского секретариата Гуй Ляна и «заместителя левой руки» Ведомства налогов Вэнь Сяна, которые, буквально рискуя головой, подготовили приводимый нами ниже Меморандум. Впрочем, веками разработанные бюрократические процедуры, именуемые так называемой системой *яньлу* («дорога суждений»), предусматривали возможность непосредственной апелляции к трону в критических ситуациях с соответствующим образом составленными предложениями по преодолению кризиса. Подталкивали 27-летнего князя Гуна в его инициативе и посулы, дружно звучащие из уст иностранцев, стремившихся реализовать положения Тяньцзиньских соглашений об учреждении постоянных миссий своих посланников в Пекине, в частности, первого британского министра-посланника в Китае Фредерика Брюса, главы английского представительства лорда Эльджина и главы французской миссии барона Гро, которые наперебой заверяли Ай Синя, оставшегося фактически единственным сановником высшего ранга в столице после дружного бегства двора в Жэхэ (ныне город Чэндэ провинции Хэбэй. — В.К.), что именно его державы хотели бы видеть главой будущего столичного «Департамента иностранных дел»¹.

В результате драматической борьбы (приведшей в итоге к обезглавливанию наиболее активно противодействующего реализации плана Гуна Су Шуня по смерти в августе 1861 г. в Жэхэ его покровителя императора Сяньфэна, так и не осмелившемуся вернуться в столицу после позорной «потери лица»), победу одержала линия, считавшая необходимым и возможным снятие непосредственной угрозы путем формального соблюдения положений договоров. При этом, даже не понимая до конца истинные намерения держав, ведущих себя порой достаточно странно с точки зрения концепции «династийного цикла», предполагающей неизбежность создания либо новой «заморской» династии, либо поддержку китайских инсургентов, цинский двор считал возможным продемонстрировать свою готовность соблюдать Тяньцзиньские и Пекинские договоры. Разумеется, не «теряя лица» в глазах подданных и не уступая державам ничего сверх того, что было точно оговорено их статьями. Стремление удержать державы от поддержки «братьев во Христе» тайпинов, победа которых неизбежно превратит все достигнутые такой большой ценой договоренности с Пекином в «клочок бумаги», возобладало над традиционными комплексами ксенофобии. Наконец, помимо фактора постоянного давления держав, отказывающихся иметь дело с *Либу* (Ведомством церемоний) и *Лифаньюанем* и требующих немедленного создания ответственного централизованного внешнеполитического органа в правительственной системе Китая, само учреждение в Пекине иностранных дипломатических миссий поставило вопрос, какое ведомство будет заниматься выделением им резиденций, коммунальным обслуживанием, протокольным приемом посланников, выплатой репараций державам, урегулированием деятельности иностранцев в открытых портах и пр.

Одобренный в итоге императором Сяньфэном 13 января 1861 г. Меморандум, как образчик «стратегического мышления», заслуживает того, чтобы привести его в более подробном виде. Он содержит шесть конкретных предложений: 1. Учредить в столице «Канцелярию по общему управлению делами различных стран» (*Цзунли гэгэ шиу ямэнь*, сокр. *Цзунли ямэнь*) как «специализированное учреждение», призванное «упорядочить сбор информации обо всех странах, поступающей в виде докладов от губернаторов внешних провинций» и «в обобщенном виде доводить ее до сведения Военного совета (*Цзюньцзичу*). Канцелярия, несущая «единоличную ответственность» за «ведение» дел «всех стран» и «контакты с ними в специально выделенном присутствии», должна была непосредственно возглавляться великими князьями и косвенно контролироваться канцлером Военного совета. В состав *Цзунли ямэня* должны были входить «заседающие по

1. Hugh B. O'Neill, Companion to Chinese History. N.Y.-Oxford, 1987, p. 104.

совместительству и попеременно» 8 высших сановников из руководства «столичных палат и ведомств» – как маньчжуров, так и ханьцев (фактически Канцелярия была узурпирована маньчжурами). В Меморандуме особо подчеркивается, что Канцелярия подлежала упразднению «как только подавление восстания *няньцзюней* и упорядочение дел внешних стран снимут военную угрозу», а ее функции «должны вновь отойти к Военному совету, и прежнее положение восстановится». 2. Учредить (также на временной основе) канцелярии двух «императорских торговых особоуполномоченных» (*баньли туншиан дачэнь*) «северных морей» в Тяньцзине и «южных морей» в Шанхае для контроля за «нежелающими повиноваться иноземцами (*гэго*)» и «импортом (*цзинькоу*) и экспортом (*чужоу*)» в северных и южных портах, включая Янцзы, «открытых для торговли (*туншиан*)». Эти «уполномоченные» обязаны будут действовать в координации с уже имеющимися «императорскими эмиссарами» (*цинъчай дачэнь*) 5 портов, определенных Нанкинским договором, а также с провинциальными губернаторами, в частности с Цзэн Гофанем, которые «явно не справляются с делом умиротворения вассалов (*фаньчжэнь*)». Что касается провинций Гири и Хэйлуцзян, «ставших объектом вторжения и оккупации русских», то поставлять ежемесячно необходимую информацию о «ситуации на границе (*чжунвай бианьцзе*)» и осуществлять контроль за «международными контактами (*чжунвай цзяошэ*)» призваны были уполномоченные военных губернаторов – *цзянцзюней*. 3. Организовать в портах, открытых для торговли, усложнившийся учет и сбор в казну таможенных пошлин (*янишуй*) силами имеющихся и вновь создаваемых представителями провинциальных властей «таможенных постов (*коуань*)» под непосредственным контролем «императорских торговых особоуполномоченных». 4. Наладить сбор информации в провинциях «ведущих делами внешних государств (*баньли вайго шицзянь*)» высшими чиновниками и обеспечить своевременную доставку соответствующих сведений в столицу для ее «обобщения и централизованного упорядочения Цзунли ямэнем». Организовать своевременную координацию и обмен через доверенных людей информацией, касающейся контактов с «внешними государствами-уделами (*вайго*)», между «особоуполномоченными», губернаторами и наместниками провинций, строго обеспечив ее секретность. 5. Отобрать по два «надежных» человека из Гуандуна и Шанхая, «знающих письменность и язык трех внешних государств – Англии (*Ин*), Франции (*Фо*) и Америки (*Ми*)», и прислать их в Пекин. С примечанием: «В прошлом был учрежден *Тунвэньгуань* для изучения русских иероглифов», но сегодня очевидно, что «это было малополезно и лишь для проформы». «А ведь для ведения дел с «вайго» необходимо, прежде всего, знать их нрав и повадки (*синтин*)». Эти четверо должны привезти с собой соответствующие книги и обучать группу по 4–5 человек каждый из наиболее способных юношей в возрасте 13–14 лет, отобранных из состава «восьмизнаменных войск». По аналогии с «русским павильоном (*элосы гуань*)», «прошедшие двухлетнее обучение и преуспевшие — поощряются». 6. Сбирать во всех портах сведения о внешней и внутренней торговле и печатную информацию различных государств, дабы ежемесячно докладывать об этом Цзунли ямэню. Особое внимание следует уделять положениям о торговле (*туншиан*), содержащимся во вновь подписанных разными странами договорах на предмет своевременной текстуальной «проверки приемлемости и справедливости» условий новых и старых торговых сделок между *Чжун* (Китаем) и *вай* (внешним миром). «Занимаясь делами разных государств», следует в первую очередь «знать их подноготную (*чжи ци диси*)»... И хотя многообразным печатным изданиям различных стран нельзя во всем доверять, общее представление они создают»¹.

1. Zhonghua zhengzhijia juece dajian: [Большой словарь судьбоносных решений китайских политиков] Пекин, 1997. С. 1120–1122 (in Chinese).

Аргументация необходимости проведения предлагаемых в Меморандуме мероприятий строго выдержана в китайских классических канонах: «Хаос в Поднебесной (*Тяня дацзюй*)», вызванный «бесчинствами», «алчностью», «коварством» «варваров — и», (здесь авторы на скупаются на эпитеты), которые «воспользовавшись нашей слабостью», вызванной «бунтами няньцзюней на Севере и «длинноволосых» (тайпинов) на Юге», вторглись своими войсками «во главе с Англией (*Инго*), Россия (*Эго*) с фланга, а Франция (*Фо*) и Америка (*Ми*) из засады» вплоть до «столицы (цзинчэн)». Составители меморандума явно руководствуются исключительно стремлением, в духе встречающейся неоднократно в истории Китая практики, когда сановники участвовали в конкурсе по представлению императору (причем в стихотворной форме) самого эффективного и эффективного плана грядущего военного сражения, и в русле стратагемы № 16 «Чтобы поймать — сначала отпусти», найти хитроумный рецепт получения выигрыша во времени и пространстве и, в итоге, обмана и разгрома очередного «варвара». «Озабоченные создавшимся положением дел в своей стране (*Гоцзя*)» инициаторы мероприятий «предлагают шесть конъюнктурных шагов», руководствуясь единственным стремлением, в первую очередь, уничтожить тайпинов и няньцзюней, а, во-вторых, «обуздать» (*чжи*) Россию, «алчно стремящуюся шаг за шагом обгрызывать чужие владения (*саньши*)», и Англию, «жаждущую ничем не ограниченного и своекорыстного доступа к торговле»¹. Любопытно, что в тексте Меморандума отсутствует название «*Чжунго*» (Срединное государство), а этимология биномов «*Вайго*», «*Гэго*», интерпретируемая в контексте как исключительно «чужестранное», «некитайское», наталкивает на вывод о значении иероглифа «го» как структурной («государство», «царство», «вотчина», «удел», соответствующие канону иероглифу «го»), но далеко не суверенной единице.

Очевидно, что в конъюнктурных целях, руководствуясь цитируемым авторами документа китайским изречением «Прибегай к миру и дружбе, когда обстоятельства вынуждают к этому, но считай войну и оборону своей единственно реальной политикой» (*и хэ вэй цюань, чжань шоу вэй шиши*), цинский двор приступил к разыгрыванию очередного стратагемного спектакля. Сохранению имиджа двора в глазах подданных способствовал и традиционный пиетет перед традицией конформизма во имя выживания, а также поощрение и восхваление мудрых правителей, которые шли на уступки врагам во имя сохранения внутренней гармонии и стабильности, и, напротив, осуждение тех, кто своей твердолобостью доводил страну до краха². В условиях явного бойкота со стороны иностранцев в отношении пугающих своими косностью и высокомерием Ведомства церемоний и *Лифаньюаня*, а также в связи с нежеланием представителей держав ограничивать свои контакты с китайской бюрократической машиной исключительно аппаратом генерал-губернатора в Гуанчжоу и специально командироваемыми для переговоров «уполномоченными министрами», цинское правительство вынуждено было заняться блефом и субституцией, т.е. подменой подлинного Министерства иностранных дел некой подделкой. На авансцену контактов с иностранцами маньчжуры выставили «Общую канцелярию» (устоявшееся в отечественной литературе название «Ямэнь»), играющую роль некой грандиозной ширмы, призванной изолировать «диких заморских дьяволов» от императора, создав одновременно полную иллюзию некоего Форин офиса в столице и сведя до фикции все усилия держав по навязыванию Китаю посольских дипломатических отношений на европейский манер. На местах же было сделано все, дабы добиться утопической цели полной изоляции «иностранцев» от китайских подданных, создав вокруг них тонкую, но масштабную и отлично вымуштрованную и контролируруемую прослойку

1. Zhonghua zhengzhijia juece dajian: [Большой словарь судьбоносных решений китайских политиков] Пекин, 1997. С. 1120 (in Chinese).

2. *Сьма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. М., 1975. С. 246.

«уполномоченных» на контакты с представителями иностранных держав. Цинские власти не могли не беспокоить то, что в открытых портах иностранный капитал стремительно «обрастал» многочисленным слоем «майбаней», или «компрадоров», к услугам которых иностранцы широко прибегали при проведении своих торговых операций в Китае. Еще более беспокоил Пекин стремительный рост числа китайцев-христиан, (которых, впрочем, волновала более проблема обретения некой коммерческой «крыши» в лице приходов и миссионеров, чем сакральные вопросы спасения души). Причем радикально нового ничего не предлагалось, а лишь расширялась путем создания офисов «особоуполномоченных северными и южными морями» сфера применения схемы контактов, апробированная, в частности, на «даннических отношениях» с Россией через Ургу и с Англией через генерал-губернатора и «Гунхан» в Кантоне. Таким образом решалась двудеиная задача: с одной стороны, двор боялся «оскоромиться» прямыми контактами с новыми неуправляемыми «варварами», а, с другой, не мог допустить возможного сговора местных властей с иностранцами, упустив монопольный контроль над любыми внешними контактами.

Все указанные мероприятия носили в представлении маньчжурских сановников характер «вынужденной уловки», дающей некий пространственно-временной выигрыш и возможность добиться восстановления «гармоничного правления» внутри страны (это в Меморандуме прописано как основная задача — *бэнь*) в результате подавления «восстаний няньцзюней, полыхающего на Севере и длинноволосых (тайпинов) — на Юге», которые «одни за другими одерживают победы, создавая угрозу для нашего сердца и внутренностей» и имели своей целью (трон не питал в этом плане никаких иллюзий), свержение маньчжурского господства и создание новой династии в соответствии с классической китайской схемой, сформулированной еще Мэнцзы, «смены небесного мандата» (*гэмин*). В отличие от них, «безумные» и «бесчинствующие варвары — И», что было достаточно загадочно для придворных аналитиков, придерживались собственной, непонятной китайцам логики и, «завладев алтарем», не пошли на смену династии, а довольствовались подписанием каких-то бумажек, свидетельством чего явился отвод объединенных англо-французских войск из Пекина в Тяньцзинь после подписания Пекинского договора в ноябре 1860 г. Впрочем, продолжала вызывать серьезные опасения двор и возможность «сговора» тайпинов с их «братьями во Христе» западными державами, а также контакты с «варварами» китайских региональных клик, что делало необходимость срочных шагов, направленных на нейтрализацию «долгоносиков» и «красноволосых» (так длительное время именовали в Китае иностранцев), крайне актуальной. Хотя в тексте меморандума еще не встречаются столь популярное впоследствии слова *янью юньдун* («движение за овладение достижениями иностранцев») и *цзыцян* («самоусиление»), аналогичная мысль выражается в нем словами: «самим планировать свое возрождение (*цзы ту чжэнь син*)», а весь документ пронизывает тезис: «если внутренние бедствия будут искоренены, то внешняя угроза сама собой исчезнет». Общая канцелярия выступала в качестве исключительно временного специализированного учреждения, находящегося под непосредственным руководством маньчжурских князей и глав шести приказов, и «как только военная компания закончится, и дела различных стран будут упорядочены», она подлежала упразднению вместе с навязанными державами договорами. Аналогичным образом офисы «императорских торговых особоуполномоченных» также должны были быть упразднены, а их таможенные функции возвращены провинциальным властям по мере упразднения форс-мажорных обстоятельств. Авторы Меморандума, исходящие из классического китайского принципа «для умирения внешнего следует вначале умиротворить внутреннее», следующим образом излагают суть своей стратегии: «Если в Тяньцзине, (где в то время еще находились иностранные войска), дела пойдут нормаль-

но, то поселившиеся в столице варварские вожди будут угнетены и задумаются, в конце концов, о возвращении домой¹. Как видно, кочующий еще из практики римского права принцип *pacta sunt servanda* не имел для цинского двора сколь-нибудь сакрального значения в его диалоге с «варварами». Практически, вплоть до 1901 г., когда после разгрома державами «восстания ихэтуаней», рассматриваемого при дворе императрицы Цыси в качестве вождельного реванша, Общая канцелярия была упразднена и заменена на более похожее на МИД «Ведомство иностранных дел» (*Вайубу*), она играла роль величайшей уловки лавирующей империи².

Фактически *Цзунли ямынь* («Общая канцелярия») ведала делами только европейских стран и США, (вопросами Японии негласно занимался Русский отдел Канцелярии), в то время как «старыми вассалами» и протокольным оформлением получения «дани» от них продолжали заниматься «Ведомство церемоний», провинциальные власти и «*Лифаньюань*» (тот же иероглиф «*ли*» — ведать, управлять). Примечательно, что последнее «принесение дани», вручение церемониальных одежд и присвоение титулов новым королям и премьер-министрам династии Рана Непала было зафиксировано уже в республиканском Китае в 1946 г.³ В первые же дни существования Канцелярии некоторые «лингвистические странности» не могли не насторожить иностранных представителей, научных горьким опытом общения со «стратагемными» китайскими чиновниками. Уже с самым названием ее возникли сложности, недоразумения и разночтения. В императорском указе от 20 января 1861 г. новое учреждение именовалось *Цзунли гэго туншан шиу ямэнь* («Канцелярией по общему управлению торговыми делами различных стран»). Добавление двором в название нового ведомства слова *туншан* (буквально — «доступ к торговле»), по сути, было более корректным как с точки зрения концепции инициаторов его создания, так и стилистически, в пику несурзному, с точки зрения европейцев, «Управлению делами всех стран». Однако европейских представителей явно настораживало стремление маньчжурских казуистов, уже этимологически, ограничить компетенцию учреждаемого *ямыня* исключительно сферой торговых отношений, явно ущербной по сравнению с «политикой» в системе приоритетов китайцев. Назначенный императорским указом главой Канцелярии великий князь Гун, в свою очередь, исходя, в том числе, и из соображений собственного престижа и политического веса в придворной иерархии, предупреждал, что данный вариант названия обязательно отпугнет иноземцев, и настаивал на том, чтобы вверенное ему учреждение ведало всеми сферами, затрагиваемыми контактами с внешним миром. Однако, так как вновь обращаться к императору уже после обнародования эдикта было, по крайней мере, неучтиво, в различных документах Канцелярии как бы параллельно фигурировали оба названия — и первоначальное, и в императорской редакции. Продлилась подобная искусная манипуляция, при которой официальное полное название Канцелярии тщательно избегалось в корреспонденции с иностранцами, в течение всех 40 лет ее существования. Чаще же всего в зарубежных контактах использовалось сокращенное наименование канцелярии *Цзунли ямэнь* («Ямэнь общего управления»), либо еще короче *Цзунли* («Генеральная канцелярия»), а иногда и *Шиу* («Переводческая канцелярия»). Иностранцы, имевшие возможность неоднократно убедиться в том, что за словесной казуистикой китайцев нет ничего случайного и спонтанного, даже за содержащимся в названии Ямыня иероглифом «*ли*» (ведать, управлять) усматривали настораживающую связь с архаичной Лифаньюань, длительное время ведавшей контактами с «го» монголо-тибетского и мусульманского мира, в т.ч. и с

1. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. М., 1975. С. 1121.

2. См.: Wu Fuhuan, 1995.

3. Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982. С. 308–309, 375.

Россией, считая это также своего рода уловкой, направленной на поддержание уязвленного самолюбия и комплекса превосходства китайцев¹.

Соглашаясь в принципе с потенциальной и вполне объяснимой в контексте «стратегической казуистики» возможности такого рода лингвистического блефа, полагаем, тем не менее, что в данном случае речь идет не только о неизменном стремлении китайских авторов поддержать имидж превосходства Срединной империи. Мучительная «перестройка» и адаптация повергнутого императорского Китая перед лицом жестких требований держав-победительниц осложнялась, помимо прочего, буквальным «взаимонепониманием» в рамках начинающегося «межцивилизационного диалога». Ведь традиционное китайское сознание не выработало терминов, адекватных понятиям «народ», «нация», «общество», а такие категории, как «национальные интересы», «суверенитет», «территориальная целостность», «право» и т.д., вообще вплоть до XX века отсутствовали. Этимология же содержания таких китайских понятий, как *чжэньчжи* и *цзинцзи*, не укладывалась полностью в семантическое поле их порой ошибочно подразумеваемых европейскими аналогами «политика» и «экономика». Помимо прочего, шел сложный и мучительный процесс поиска в арсеналах китайской иероглифики эквивалента английского словосочетания Foreign Office. Не случайно в поисках адекватного перевода в китайских официальных документах в 1858 г. появляется, например, такое любопытное словосочетание, как *Эго цзунли гэгэ шиу дачэнь*, что в китайской версии призвано означать «Министр иностранных дел России» (буквально: «русский общеправляющий делами всех стран великий сановник»)². Здесь уместно вспомнить, что китайская цивилизация является единственной сохранившей иероглифическую письменность, предопределяющую уникальную систему рефлексии в сфере как конструирования понятий, так и самого стиля мышления. Пиктографические истоки китайской иероглифики, диктующие необходимость компоновки целого (составного иероглифа) из первичных, в свою очередь обладающих устойчивыми конкретными значениями пиктограмм-ключей, предопределили разительную несхожесть способа дедуктивного рассуждения китайцев и сложность коммуникации в ходе начинающегося диалога Китая и Запада. Как отмечали многие отечественные и зарубежные авторы, здание китайской логико-методологической мысли возводилось на совершенно ином лингвистическом фундаменте, а самой существенной чертой этой инаковости является то изначальное кардинальное различие между фонетическим и идеографическим письмом, которое разделяет индоевропейскую и китайскую гносеологии³.

Перенесение ключевых понятий западной мысли, не имеющих аналогов в китайском языке, в традиционную систему политических представлений и этических норм шло главным образом за счет подбора словосочетаний из классического китайского словаря. Случайный и спорадический характер использования старых иероглифических клише из древних канонов для передачи значения новых понятий разными авторами приводил к существенной их трансформации и размыванию их значений, затруднял адекватное восприятие категорий западноевропейской мысли. Лишь позднее в Китае стали частично использовать устоявшуюся политическую лексику, заимствованную из Японии, где она раньше вошла в оборот. Значительно реже китайские переводчики пользовались фонетической калькой для передачи иностранных терминов⁴. На момент создания *Цзунли ямэня* в обороте при дворе устоялось словосочетание *гэгэ шиу* («дела всех народов») для перевода европейского понятия «международные отношения», которое лишь к нача-

1. Marting. W.A. A Cycle of Cathay. 2nd ad., N.Y., 1897, p. 338.

2. The Government of China, 1644–1911. Baltimore, 1925, p. 238.

3. Кобзев А.И. Учение о символах и числах в классической китайской философии. М., 1994.

4. Борох Л.Н. Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX — XX веков. М., 2001. С. 3–4.

лу XX века было вытеснено современным китайским аналогом *гоцзи гуаньси* (буквально «межгосударственные отношения»).

На начальном этапе деятельность Канцелярии, состоявшей из руководства и технического секретариата, не отличалась от функционирования ряда традиционных ведомств Китая ни по организационным принципам, ни по процедурам выработки и принятия решений. После серьезных раздумий было принято решение о том, что с учетом ряда факторов целесообразным будет, чтобы во главе ямэня находились маньчжурские князья попеременно, а свои доклады-отчеты они направляли Военному совету. Почти все члены руководства Канцелярии, несущие коллективную ответственность, одновременно занимали какой-либо ответственный пост в других правительственных учреждениях, так что она в соответствии с замыслом великого князя Гуна вскоре превратилась в своеобразный совет регулярно собирающихся вместе ведущих государственных деятелей империи. Донесения чиновников с мест император разрешил направлять в Канцелярию только через Приказ церемоний (*Либу*), и лишь исключительно жизненно важную информацию докладывать непосредственно трону, подготавливая для сведения Цзунли ямэня лишь некоторые копии через аппарат Военного совета. Для работы с документами, абсолютное большинство которых носили секретный характер, в Канцелярию были направлены для работы по совместительству восемь технических секретарей (функцию одного из них будет в свое время исполнять известный реформатор Кан Ювэй), из Секретариата Военного Совета. Все это было сознательно призвано поставить под сомнение статус Канцелярии как самостоятельного, ответственного ведомства и посредством ограничения ее полномочий реально ущемить права иностранных миссий в Пекине. Не случайно первоначально Цзунли ямэнь была размещена в довольно грязном и непривлекательном комплексе зданий буддистского храма «Цзясинсы» на северо-западе столицы. 11 марта 1861 г. чиновниками Либу была проведена церемония открытия офиса и ее главе была вручена вновь выгравированная официальная печать Канцелярии. Уже 11 ноября того же года Ямэнь переселилась в специально отремонтированное, но также невзрачное здание, ранее принадлежавшее «Департаменту железных монет» в восточной части «Запретного города» в императорском комплексе Гугун. Мало что свидетельствовало о том, что наступила новая эра в становлении дипломатической службы Китая¹.

На начальном этапе Цзунли ямэнь даже не считалась частью центрального правительства и почти 30 лет существования не вносилась в так называемую Красную книгу – «Полный реестр государственных учреждений» (*Циньшэнь цюаньшу*). Ведь предполагалось, что данная Канцелярия, не имевшая даже собственного устава, орган временный, и после подавления восстаний тайпинов и няньцзюней, когда обстановка стабилизируется и иностранные дела потеряют свою значимость, она будет упразднена. Уже простой анализ организационной структуры выявляет ряд несуразностей, свидетельствующих о «пожарном порядке» комплектации Канцелярии (по принципу *ad hoc*), отсутствию перспективного плана моделирования прообраза внешнеполитического ведомства, подмененного разовым конъюнктурным «залатыванием дыр», а также об укоренившемся рефлексорном стиле китайцев, склонных к решению проблем только по мере их возникновения. Разделение сфер компетенций между департаментами, свидетельствующее об уровне представлений маньчжурского двора о политической географии современного мира, зачастую было просто лишено логики и предопределяло малую эффективность деятельности Канцелярии. Так, дела Австро-Венгрии почему-то оказались в Английском отделе, в то время, как Германии, Италии и еще пяти европейских государств — в Американском, а Бразилии — во Французском. Тем не менее, дальнейшие события предопредели-

1. Masataka Banno, *China and the West, 1858–1861: The Origins of the Tsunli Yamen*, Cambridge-Mass. 1964, p. 230–231.

ли жизнеспособность этого учреждения, тем более, что однажды созданное бюрократическое ведомство как бы начинает уже жить самостоятельной жизнью и работать само на себя. В отличие от других центральных учреждений империи (Императорский секретариат и шесть приказов), где руководящие посты занимались попеременно равным числом маньчжуров и китайцев, Цзунли ямэнь с самого начала была задумана как технический орган при Военном совете и инструмент абсолютного контроля над любыми внешними контактами империи в руках исключительно маньчжурской верхушки. Временный характер создаваемой канцелярии, а также фикция продолжения функционирования «даннической системы» (ведь Лифаньюань официально никто никогда не упразднял) необходима была двору, прежде всего, для внутреннего пользования, дабы представить ее некой стратегической уловкой, обеспечивающей выигрыш во времени и сохранение монополии трона на все зарубежные связи. Помимо провинциальных властей и императорских комиссаров и уполномоченных в сфере международных отношений, продолжал оперировать также бойкотируемый Россией Лифаньюань и императорский наместник — *амбань* в Урге, поддерживающий интенсивные контакты с представителями России, а также Палата церемоний, продолжавшая вплоть до 1882 г. оформлять очередные получения дани от Кореи. Значительную автономию от Цзунли ямэня демонстрировали также китайские посланники за рубежом, считавшие себя ответственными исключительно перед императором. Деятельность Канцелярии сводилась в итоге лишь к фиксации и косвенной координации внешнеполитических контактов с китайской стороны, а его усилия ограничивались решением вопросов, связанных с пребыванием в Пекине иностранных миссий в рамках протокольной службы, с вопросами дипломатической переписки и составления официальных докладов трону, а также с массой проблем, не связанных непосредственно с дипломатическими отношениями. Не удивительно, что из 48 договоров, подписанных и ратифицированных Китаем с различными странами за весь период функционирования Цзунли ямэня, лишь четыре, причем весьма маловажных, связанных с вопросами торговли и делами хуацяо, были подписаны при участии князя главы Канцелярии и членов Коллегии Цзунли ямэня¹.

При всей неординарности организационной структуры и функционирования центрального аппарата – прообраза внешнеполитического ведомства империи, его принципиальная китаецентристская позиция категорического отказа от посылки своего постоянного посольства в Европу поражает еще больше. Длительное время цинский двор отчаянно сопротивлялся и ни в коем случае не желал направлять свои постоянные миссии за рубеж, в духе тезиса, содержащегося еще в памятном письме-указе (сентябрь 1793) императора Цяньлуна королю Великобритании Георгу III: «Ни Я не выезжаю за пределы Поднебесной, ни мои подданные подобных вояжей не совершают»... «Предположим, Я направлю Посла в твою страну, как же ты сможешь организовать для него все необходимое? В Европе много других государств, кроме твоего собственного: если каждое и все они захотят иметь представительства при нашем Дворе, как же мы можем согласиться на это? Такое никак не возможно»... «Если ты испытываешь благоговение перед нашей Небесной династией и хочешь ознакомиться с нашей цивилизацией, то наши церемонии и свод наших законов в корне отличаются от твоих. Даже если твой Посланник был бы способен познать основы нашей цивилизации, ты вряд ли смог бы перенести наши манеры и обычаи на свою почву, чуждую для них»².

1. Treaties, conventions, etc. between China and Foreign states, 2 vol, 2nd ed. Shanghai, 1917; *Meng S.M.*, The Tzongli yamen: its organization and functions, Harvard (Cambridge, Mass.), 1962, p. 30–43.

2. *Cheng, Lestz, and Spence*, eds., The Search for Modern China: A Documentary Collection. New York: W. W. Norton, 1999, p. 104–106. Op.cit. Henry Kissinger, *ON CHINA*, AST Publishers, 2017.

Самой поразительной, но отнюдь не последней уловкой Цзунли ямэня в этом плане была попытка использовать иностранного наемника, бывшего американского посланника в Китае Ансона Бурлингейма (1820–1870), в качестве главы первой китайской дипломатической миссии, посетившей с 1868 по 1870 г. США и страны Европы. Немалое значение в принятии двором данного решения имело то, что А. Бурлингейм, адвокат и конгрессмен, назначенный 14 июня 1861 г. президентом США Авраамом Линкольном американским посланником в Цинской империи и наладивший доверительные отношения с великим князем Гуном, владел иностранными языками и имел опыт международного общения в соответствии с нормами, стандартами и этикетом западного дипломатического протокола. Однако главным мотивом, несомненно, было то, что, прекратив исполнение обязанностей посланника в 1867 г., Бурлингейм сохранил американское гражданство и не мог никак скомпрометировать неуклонную позицию цинского трона, не желавшего «поступиться принципами» и послать своего подданного в качестве уже не эмиссара императора, а посланника Китая за рубеж. Не случайно именно он, а не сопровождавшие его высокопоставленные маньчжурские чиновники Чжи Ган и Сунь Цзягу в ранге Полномочных министров, в обязанности которых входили лишь контроль, ведение дневниковых записей и составление соответствующих отчетов, был назначен официальным главой миссии в ранге Чрезвычайного Посланника. В состав посольства входили также английский и французский секретари, три драгомана (переводчика), врач и шесть прикомандированных студентов школы иностранных языков Тунвэньгуань, а также супруга А. Бурлингейма¹.

Уже в США подобная миссия потерпела фиаско, ибо американское правительство отказало в выдаче ему агремана, не пожелав принять в качестве китайского дипломатического представителя гражданина США. Впрочем, Пекин злопамятно «отомстил» Вашингтону, отказав в агремане назначенному Соединёнными Штатами в 1891 г. посланником в Китае Г.У. Блэру под тем предлогом, что, якобы, в 1882 и 1888 г. в своих выступлениях в сенате он «жестокос оскорблял Китай»². Дополнительным аргументом в пользу того, что в сюжете с Бурлингеймом речь явно не шла о привлечении иностранного эксперта в неведомой для китайцев сфере дипломатического протокола и этикета, можно считать то, что во всех последующих китайских зарубежных миссиях иностранцев, главным образом из таможенного управления, направляли исключительно в качестве советников и переводчиков, но ни в коем случае не в роли глав делегаций. Очевидно, что китайское правительство делало осознанную попытку создать очередной «буфер» в лице совершенно искусственной наднациональной структуры, что вполне допускалось традиционной стратеминой концепцией. Что абсолютно не допускалось, так это обратная рокировка, т.е. использование китайского подданного для «поднесения дани» китайскому императору. Вспомним, например, полную неудачу, которую потерпели неоднократные попытки переправить в Китай послание короля Англии Якова I в адрес китайского императора, используя китайских купцов, в начале XVII века. Никто из китайцев, великолепно осознающих смертельную опасность подобной миссии, несмотря на щедрую плату, предлагавшуюся со стороны Ост-Индской компании, не взялся выполнить подобное поручение³. Очевидно, что подобная очередная уловка цинского двора призвана была одновременно и соответствовать навязанным нормам

-
1. *Zhi Gang, Chu shi tai xi ji*: [Чжи Ган, Записки о первом посольстве на Запад, (Чу ши тай си цзи)]. Чанша, 1981, p. 10–12 (in Chinese).
 2. *Федоров Л.* Дипломат и консул. М., 1965. С. 46.
 3. *Pritchard E.H.* Anglo-Chinese Relations during the Seventeenth and Eighteenth Centures, Chicago, 1929, p. 54.

современных международных отношений, и «не оскоромиться», формально сохранив неизменными атрибуты «даннических» отношений.

Единственным практическим достижением миссии А. Бурлингейма в США стало согласование им и Госсекретарем США Уильямом Х. Сьюардом, его бывшим начальником, нескольких статей в дополнение к Тяньцзиньскому договору 1858 г. (*Reed Treaty*), что впоследствии получило общее название «договор Бурлингейма-Сьюарда». Этот договор предоставлял Цинской империи режим наибольшего благоприятствования в американо-китайской торговле и дипломатическом диалоге, давал некоторые гарантии хозяйственной деятельности и религиозной свободы на территории обеих стран, Китаю было предоставлено право открывать консульства во всех американских портовых городах и назначать своих консулов. «которые будут пользоваться теми же привилегиями и иммунитетами, которыми пользуются консулы Великобритании и России», а китайским гражданам — право путешествий и иммиграции в США в поисках работы и образования. Ничего подобного в столицах крупнейших европейских государств — Париже, Стокгольме, Копенгагене, Гааге, Берлине, Санкт-Петербурге, а затем после кончины Бурлингейма, — Брюсселе, Риме и Мадриде, несмотря на довольно пышный прием, достигнуто не было. Как известно, А. Бурлингейм заболел сразу после высочайшей аудиенции в Зимнем дворце и трагически скончался через несколько дней 23 февраля 1870 г. от воспаления легких. Делегацию возглавил по распоряжению из Пекина по телеграфу Чжи Ган, и она продолжила визит по Европе по заранее намеченной программе аудиенций, встреч и переговоров¹.

Явную печать стратегичности носила на себе и первая постоянная дипломатическая миссия цинского Китая, открывшаяся в Лондоне лишь в 1877 г. Возглавил ее известный китайский сановник и ученый-конфуцианец Го Сунтао, интеллектуал с ученой степенью цзиньши, ставленник хунаньского регионального клана, возглавляемого Цзэн Гофанем. Само назначение Го Сунтао 28 августа 1875 г. главой первой китайской миссии в Англию было вынужденной мерой, на которую трон пошел под давлением Лондона после «дела Маргари», дабы выразить соболезнование и извиниться за убийство переводчика представительства английского посланника во время его командировки в провинции Юньнань. Примечательно, что 59-летний Го Сунтао был назначен на новый пост в должности *шилан* («товарищ министра») от имени *Либу* (Ведомства Церемоний). Не последнюю роль в назначении именно Го Сунтао сыграло то, что при обмене ратификационными грамотами в Гуанчжоу с послом Нидерландов Ван дер Хувеном после подписания 6 октября 1863 г. Торгового договора он проявил особую бдительность, обнаружив подлог. Цинское правительство, болезненно относящееся к прецеденту, созданному машиной Делямара, высоко оценило упорство Го Сунтао, выявившего, что текст договора, представленного на ратификацию, не идентичен первоначальному подписанному варианту и настоявшего в ходе длившихся почти год переговоров на возвращении к первоначальному тексту. Это снискало при дворе для Го Сунтао авторитет эксперта по общению с иностранцами. Сопровождающие его лица в количестве 30 человек получили строгий наказ от Цзунли ямэня тщательно собирать любую ценную информацию об иностранцах и немедленно направлять ее в Пекин. Во исполнение этого наказа, глава миссии аккуратно записывал свои впечатления от увиденного еще в Гонконге и Сингапуре, а затем в Лондоне, направив их в Пекин, где они были опубликованы в типографии Канцелярии. Истерию недовольства вызвало описание Го Сунтао Лондона как города, «где улицы освещены фонарями, подобными мириаду звезд, по ним несутся тысячи машин и экипа-

1. Schrecker, John. "For the Equality of Men — for the Equality of Nations": Anson Burlingame and China's First Embassy to the United States, 1868, p. 9–34. *Journal of American-East Asian Relations* 17.1 (2010).

жей, из труб валит дым, и нет слов, дабы описать великолепие домов и грандиозность архитектурной планировки»¹ Наиболее яростной критике подвергся первый китайский дипломат у себя на родине в провинции Хунань, где земляки еще сам факт согласия Го на занятие столь сомнительной должности посла в Лондоне подвергали осмеянию и осуждению, а что касалось его впечатлений от достижений культуры Запада, то расценили это как акт дискредитации одного из оплотов конфуцианства и компрометации подобной коллективной «потери лица» его клана и ближнего окружения. Особое недовольство в Китае вызвал тезис из работы Го Сунтао, вскоре, впрочем, запрещенной к распространению Цзунли ямэнем, о том, что «заграница весьма красочна и многообразна, там царит дух продуманных законов, человеколюбие и чувство долга весьма почитаются, мощь и богатство оставляют в сердце неизгладимое впечатление», а также его вывод: «Секрет подобной гармонизации народных и государевых интересов» и высочайшего «духа управления государством» (*чжиго чжэ цзин*), заключается в «политическом учении» (*чжэньцзяо*), институциональным воплощением которого выступает *Балимэнь* («Парламент») и *Майэр ямэнь линминь цзысюань* («Выборность народом офисов мэров»)². Весьма знаменательным является то, что даже современный шанхайский исследователь Ян Сяочуань, автор статьи о Го Сунтао в сборнике, посвященном жизни и творчеству десяти самых видных китайских дипломатов из первой плеяды внешнеполитических деятелей в новой и новейшей истории Китая, не может удержаться от того, чтобы не упрекнуть Го Сунтао в «наивном пиетете перед Западом» и «недооценке агрессивной и вероломной сущности европейских держав»³. Между тем, не имея опыта в сфере принятых в Европе норм дипломатического протокола, он, тем не менее, весьма достойно предстал на аудиенции у королевы Великобритании Виктории на церемонии вручения верительных грамот. Строго следя за тем, чтобы был соблюден принцип «идентичности» в сравнении с послами других держав, Го Сунтао проявил упорство, пытаясь не вставать при исполнении государственного гимна Великобритании, не снимать головной убор в присутствии королевы и, несмотря на сопротивление английской стороны, настоял, дабы подчеркнуть особый статус Китая, на том, чтобы, вопреки общепринятым в Европе нормам, с китайской стороны, помимо посла, в церемонии участвовал и его заместитель Лю Сихун. Под влиянием острой критики цинское правительство готово было уже в конце 1877 г. отозвать на родину своего «отравленного ядом западничества» посла, причем, в значительной мере этому способствовал его штатный критик и конкурент, специально посланный вместе с ним в Лондон в качестве «заместителя посланника» (*фуши*) и «соруководителя» (*сянчи*), косный и малообразованный Лю Сихун, который буквально завалил Цзунли ямэнь доносами и обвинениями в адрес своего шефа. Только бюрократическая заминка, связанная с невозможностью срочно найти адекватную замену, не позволила сделать это немедленно, и они оба были отозваны на родину только 25 августа 1878 г. Го Сунтао явно обогнал свое «социальное время», призывая преодолеть ограниченность сторонников «политики самоусиления», уделяющих внимание исключительно «созданию кораблей и пушек» и игнорирующих принципиальное отличие Китая и Запада, заключающегося, по его убеждению, не в технике, а в «нравах и ментальности людей»

1. *Guo Songtao*, Yangzhi shuwu wenji. [Го Сунтао, Собрание сочинений из кабинета Возвращения Знаний (Янчжи шуу вэньцзи). Т. 13. С. 8–17; т. 11. С. 544. Op. cit. Чжунго ши вайцзяоцзя [Десять дипломатов Китая, Shanghai, 1999, p. 17 (in Chinese)].
2. *Guo Songtao*, Yangzhi shuwu wenji. [Го Сунтао, Собрание сочинений из кабинета Возвращения Знаний (Янчжи шуу вэньцзи). Т. 13. С. 8–17; т. 11. С. 544. Op. cit. Чжунго ши вайцзяоцзя [Десять дипломатов Китая, Shanghai, 1999, p. 25 (in Chinese)].
3. *Guo Songtao*, Yangzhi shuwu wenji. [Го Сунтао, Собрание сочинений из кабинета Возвращения Знаний (Янчжи шуу вэньцзи). Т. 13. С. 8–17; т. 11. С. 544. Op. cit. Чжунго ши вайцзяоцзя [Десять дипломатов Китая, Shanghai, 1999, p. 25 (in Chinese)].

(*жэньсинь фэньюй*). Наконец, именно по инициативе Го Сунтао цинское правительство пошло на учреждение сети генконсульств и консульств в Сингапуре, Бенгалии, Бирме, на Цейлоне, в Сан-Франциско и др. пунктах, призванных, подобно консульствам держав в городах Китая, защищать интересы бизнеса и права *хуацяо*¹. Скончался Го Сунтао, одним из первых осмелившийся публично признать наличие у европейцев «длительной истории и высокой культуры», в 1891 г. в возрасте 74 лет в бедности и забвении.

Полагаем, что проделанный нами экскурс в историю Китая периода «искрящего контакта цивилизаций» приближает ответ на вопрос, будет ли современный Китай довольствоваться ролью одного из полюсов мировой политики, или же реализация «китайской мечты» неизбежно ведет к навязыванию его норм и правил игры мировому сообществу. Порой складывается впечатление, что традиция китаецентризма не прерывалась и его пассионарность будет исчерпана только лишь после восстановления ситуации, когда буквально все будут считаться с мнением и рекомендациями Пекина и оказывать его правителям всецелые церемониальные знаки внимания, признавая их роль в глобальном управлении и достижении универсальной гармонии². Важно помнить о подмеченной еще видным российским американистом А.И. Уткиным тенденции «постбиполярного мира», когда «подлинными основами ныне к концу XX века, оказываются цивилизационные основания, т.е. группирование не против страны X, не за страну Y, не вокруг страны Z, а вокруг фактов своей истории и географии, в нише своей культурно-исторической, цивилизационной общности»³.

Список литературы

1. *Chen Jiehua*. Ershi shiji zhongguo waijiao zhanlue, Чэнь Цзехуа, Стратегия китайской дипломатии 21 века.
2. *Cheng, Lestz, and Spence*, eds., *The Search for Modern China: A Documentary Collection*. New York: W. W. Norton, 1999. Op.cit. Henry Kissinger, *ON CHINA*, AST Publishers, 2017.
3. *Fairbank J.K.* The United States and China. Cambridge (Mass.), 1971.
4. *Guo Songtao*, Yangzhi shuwu wenji. [Го Сунтао, Собрание сочинений из кабинета Возвращения Знаний (Янчжи шуу вэньцзи). Т. 13; Т. 11. Op. cit. Чжунго ши вайцзяоця [Десять дипломатов Китая, Shanghai, 1999 (in Chinese)].
5. *Hertslet, Edward Sir*, *Treaties, &c., between Great Britain and China: and between China and foreign powers*; 3. ed., Harrison and sons, London, 1908.
6. *Hugh B. O'Neill*, *Companion to Chinese History*. N.Y.-Oxford, 1987.
7. *Marting. W.A.* A Cycle of Cathay. 2nd ad., N.Y., 1897.
8. *Masataka Banno*, *China and the West, 1858–1861: The Origins of the Tsunli Yamen*, Cambridge-Mass, 1964.
9. *Meng S.M.*, *The Tzungli yamen: its organization and functions*, Harvard (Cambridge, Mass.), 1962.
10. *Pritchard E.H.* *Anglo-Chinese Relations during the Seventeenth and Eighteenth Centures*, Chicago, 1929.
11. *Schrecker, John*. “For the Equality of Men — for the Equality of Natioos”: Anson Burlingame and China's First Embassy to the United States, 1868, *Journal of Americann-East Asian Relations* 17.1 (2010).
12. *Schwartz B.G.* *The Chinese perception of the world order: past and present, The Chinese World Order. Traditional China's Foreign relations*. ed. By John King Fairbank. Harvard Univ. Press., Cambridge — Massachusetts, 1968.

-
1. *Guo Songtao*, Yangzhi shuwu wenji. [Го Сунтао, Собрание сочинений из кабинета Возвращения Знаний (Янчжи шуу вэньцзи). Т. 13. С. 8–17; т. 11. С. 544. Op. cit. Чжунго ши вайцзяоця [Десять дипломатов Китая, Shanghai, 1999, p. 4–5, 18 (in Chinese)].
 2. Корсун В.А. «Китай в мировой политике» // *Страны и регионы мира в мировой политике* / под ред. В.О. Печатнова, Д.В. Стрельцова. МГИМО.Т. 2. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 286–311.
 3. Уткин А.И. Россия и Запад: история цивилизаций. М., 2000. С. 531.

13. *Zhi Gang, Chu shi tai xi ji*. [Чжи Ган, Записки о первом посольстве на Запад, (Чу ши тай си цзи)]. Чанша, 1981 (in Chinese).
14. *Zhongguo j indai bupingdeng tiaoyue nianbiao*, Чжунго цзиньдай бупиндэн тяюэ няньбяо: [Хронологический справочник неравноправных договоров Китая в Новой истории]. Пекин, 2012. (in Chinese).
15. *Zhonghua zhengzhijia juece dajian*: [Большой словарь судьбоносных решений китайских политиков] Пекин, 1997. (in Chinese).
16. *The Chinese World Order. Traditional China's Foreign relations*. ed. By John King Fairbank. Harvard Univ. Press, Cambridge — Massachusetts, 1968.
17. *The Government of China, 1644–1911*. Baltimore, 1925.
18. *Treaties, conventions, etc. between China and Foreign states*, 2 vol, 2nd ed. Shanghai, 1917.
19. *Wu Fuhuan, Qingji Zongli yamen yanjiu*: [У Фухуань. Исследование Общей канцелярии династии Цин (1861–1901), (Цинцзи Цзунли ямэнь яньцзю)], Университет Синьцзян. Урумчи, 1995 (in Chinese).
20. *Борох Л.Н.* Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX — XX веков, М., 2001.
21. *Дацышен В.Г.* Христианство в Китае: история и современность, М., 2007.
22. *Китай и соседи в новое и новейшее время*. М., 1982.
23. *Кобзев А.И.* Учение о символах и числах в классической китайской философии, М., 1994.
24. *Корсун В.А.* «Китай в мировой политике» // Страны и регионы мира в мировой политике» / под ред. В.О. Печатнова, Д.В. Стрельцова. МГИМО.Т. 2. М.: Аспект Пресс, 2019.
25. *Корсун В.А.* «Китайский мировой порядок»: альтернативная интерпретация исторической трансформации внешнеполитической парадигмы // Китай в мировой политике. М.: РОССПЕН МГИМО, 2001.
26. *Международные отношения на Дальнем Востоке*. Т. 1, М., 1973.
27. *Мясников В.С.* Империя Цин и Русское государство в XVIII веке. М., 1980.
28. *Новая история Китая*, 1972, С. 155.
29. *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. М., 1975.
30. *Уткин А.И.* Россия и Запад: история цивилизаций. М., 2000.
31. *Федоров Л.* Дипломат и консул. М., 1965.

V. Korsun. “Stratagemic Adaptation” of China in the Face of Enforced Inclusion in the Westfal System of International Relations

The defeat in the “opium wars” made a situation, when for the first time in history, the mechanism of cultural and biological assimilation of invaded “barbarians” by China did not work, and the empire was forced to adjust the centuries-old “Chinese world order” to the new system of international relationship. The violent nature of the inclusion of Qing China into the Westphalian system predetermined the desperate resistance and maneuvering of the Manchu court in the face of the European norms and rules of international communication. By studying original Chinese sources, the article characterizes China's “stratagem adaptation” to foreign diplomatic practice, reveals its commonalities and peculiarities vis-a-vis the classical attributes of the “tributary system”, and testify parallel coexistence of the both.

On the base of examples — the creation of the Zongli yamen; the first Chinese mission, led by US citizen A. Burlingame; the first Chinese embassy in London, led by Guo Songtao, — the article demonstrate a set of tricks, mainly of a ritual-protocol nature, within the, “Self-reinforcement” policy of China. Particular attention is paid to the analysis of ethno-psycho-linguistic difficulties and nuances of mutual understanding within the framework of the growing “dialogue of civilizations.” According to the results of the study, the author concludes that nothing disappears in the “historical memory” of the people, and without such an excursion into history it is impossible to understand the real content and prospects of the “Chinese dream”.

Key words: *Qing imperia, tributary system, opium wars, koutou diplomacy, self-reinforcement, stratagemic tricks, Zongli Yamen, A. Burlingame, Guo Songtao, European etiquette and protocol, dialogue of civilizations.*